

Нина Волкова

Квартира 28

RUGRAM

Москва
2025

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
В67

Волкодав, Ю.

В67 Квартира 28/ Ю. Волкодав. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2025. — 196 с.

ISBN 978-5-517-13032-7

У каждого из нас есть дверь, за которой прячется детство.

Иногда она ведет в квартиру, где мы живём до сих пор.

Иногда существует уже только в нашей памяти.

В квартире 28 живут девочка Юля и её бабушка и дедушка. Которых ни в коем случае нельзя называть бабушкой и дедушкой. Просто Лиля и Миша.

А ещё там живёт память о детстве девянострого: с киндер-сюрпризами и волшебными сундучками, недостижимой мечтой о дорогом конструкторе и «Зовом джунглей» по утрам.

И о счастье, которое было безусловным и безоблачным.

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-13032-7

© Юлия Волкодав, текст, 2025
© Дарья Иванова / Walted,
оформление, 2025
© RUGRAM, 2025
© Т8 Издательские технологии,
оформление, 2025

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ЛИЛЯ И МИША

НАЧАЛО

Казалось бы, квартира и квартира. Четвёртый этаж, жёлтая деревянная дверь, покрытая лаком, на двери номер — двадцать восемь. Окна на консерваторию смотрят. По вечерам в консерватории концерты, и, если выйти на балкон, видно собранные гармошкой занавески и огромную-преогромную люстру. Сцену не видно, там, где сцена, там окошек нет. Но стоишь, рассматриваешь люстру и занавески и проникаешься торжественностью.

— Сегодня концерт органной музыки дают, — многозначительно говорит Миша.

— Люстра красивая, — вздыхает Лиля. — Но если на башку бахнется, мокрого места не останется.

Знакомьтесь. Миша — это мой дедушка. Лиля — моя бабушка. Но она очень не любит, когда её называют бабушкой, просто терпеть не может.

— Какая я бабушка? — возмущается она. — Бабушки вон на лавочке сидят в платочках.

Лиля ни в каких платочках ни на каких лавочках не сидит, в нашем дворе вообще ни одной лавочки нет. А если бы и были, она б точно не сидела. Лиля — санитарный врач и большой начальник, целой лабораторией заведует. В эту лабораторию со всего города везут анализы, если кто-нибудь грибами отравится, например. Или если кого-нибудь клещ покусает энцефалитный. Или если кто-нибудь обосрётся. Травятся и обсираются всегда по выходным и праздникам. Тогда Лиле звонит дежурный из лаборатории, и она убегает на работу, а я остаюсь с Мишей. Который тоже с удовольствием куда-нибудь убежал бы — в архив

или в библиотеку, — но не может. Потому что Лилия его опередила.

Какие уж тут лавочки, когда все бегают туда-сюда. Ну а так как бабушку я зову просто Лилей, то и дедушку надо звать Мишей, иначе как-то странно получается. За это мне один раз соседка выговор сделала.

— А почему ты бабушку Лилей называешь? Она тебе что, подруга?

Я на соседку большими глазами посмотрела и плечами пожала. Со взрослыми же не спорят. А я предпочитаю ещё и не разговаривать. Особенно с агрессивно настроенными.

А другие окна смотрят на поликлинику. Когда взрослые про неё говорят, они обязательно добавляют, что это поликлиника ФСБ. «ФСБ» произносится многозначительным тоном и чуть тише, чем все остальные слова. Я понятия не имею, почему, но окна поликлиники рассматривать ещё интереснее, чем консерваторию. Во-первых, они ближе, и видно лучше. Во-вторых, там мелькают человечки. Человечки в белых халатах и человечки совсем без одежды. Правда, окна поликлиники до середины замазаны чем-то белым, но если смотреть со своего четвёртого этажа в окна третьего, то всё равно видно. Мне нравится придумывать тайную жизнь этой поликлиники. Я вижу, как по утрам у её входа толпятся люди. Потом двери открываются, люди просачиваются внутрь и как-то распределяются по этажам. Ложатся на кушетки, которые мне тоже из окна видно, и лечатся. А несколько окон закрыты полностью, и я воображаю, что за ними самое главное — операционные! Да, я ещё не знаю, чем поликлиники отличаются от больниц, к тому же я переживаю первую в своей жизни влюблённость — в сериал «Больница на окраине

города» и старенького седого доктора в очках. Поэтому мне абсолютно всё равно, что за окном у меня поликлиника. Играю я в больницу, и точка!

Да, я же не пояснила. Мне пять лет. Замечательный возраст, когда есть дело абсолютно до всего и абсолютно обо всём уже есть собственное мнение. Итак, мне пять лет, я живу с бабушкой Лилей и дедушкой Мишей в большой трёхкомнатной квартире номер двадцать восемь. И это для меня целый мир. В который вы тоже сможете заглянуть.

НОВЫЙ ГОД

Ёлка просто огромная, до самого потолка. А потолки высоченные. Я сижу под ёлкой в окружении кучи коробок с игрушками и знаколюсь с историей страны. Вот история советского периода: в шуршащую бумагу и блестящую осыпавшимися золотинками вату завернуты кукурузные початки и дирижабли с надписью «СССР», пластмассовая красная звезда для макушки и космический корабль «Восток-3». Не очень-то они красивые, блёклые какие-то и непонятные. Меня гораздо больше занимает новейшая история: в другой коробке игрушки, которые Лиля купила только сейчас, вместе с ёлкой. Тут я всех знаю: вот Хрюша, вот Степашка, а это Каркуша. Они из матового стекла и разукрашены глазурью, как пряники, которые Лиля привозила из Москвы. Мне пряники не нравятся, я хлеб не ем ни в каком виде, даже в виде пряников и пирожных. Но цветную глазурь на домиках и рыбках мне нравится обгрызать.

Игрушки я, конечно, не обгрызаю и даже не облизываю. Я человек взрослый, серьёзный. Сижу себе, историю придумываю. Как Хрюша со Степашкой пошли в гости к Каркуше, а там уже был Филя. Где Филя, кстати? Куда он задевался? Может, вон в той коробке спрятался? Ой, а в той коробке совсем странные игрушки. Синьор Помидор с подбитым глазом — с него краска слезла. И Чиполлино. Сказку про Чиполлино я читала, но мне не понравилось. Страшная она какая-то. И Синьор Помидор страшный, ещё и без глаза, ужас какой.

— Ай! — Миша отдёргивает руку от розетки.

В руках у него гирлянда, которую он с самого утра ремонтирует. Гирляндой называются много пластмассовых звёздочек, соединённых проводочком. Внутри каждой звёздочки маленькая лампочка. Пока гирлянда лежала на антресолях и ждала нового Нового года, какая-то из лампочек испортилась, и теперь надо найти какая именно. Пока не найдёшь, гирлянда гореть не будет. Ну Миша и ищет.

— Нашёл? — спрашиваю.

— Нет! Током бьётся!

Я заинтересованно смотрю на Мишу, по сторонам. Вроде нет никого. Лиля на работе, — опять кто-то обосрался, наверное. Мы с Мишей ёлку наряжаем. Кто же его бьёт?

— Гирлянда током бьётся. Электричество! — поясняет Миша.

И на розетку показывает. А, это он про то, что в розетку пальцы совать нельзя. Так я и не сую. Ни пальцы, ни карандаши, ни гирлянды. Я вообще эти розетки стороной обхожу. От них, говорят, пожары бывают, а я пожаров больше всего на свете опасаюсь. Мы как-то с Лилей гуляли и видели чёрный-чёрный балкон, с которого тряпки всякие свисали, тоже чёрные. Страшно. Так что никакие гирлянды мне даром не нужны. Тем более, я новую коробку нашла, самую интересную. В ней игрушки крохотные-крохотные, в руках трудно удержать. И очень странные. Есть куколки: девочки, мальчики, Деды Морозы. А есть овощи: огурцы, баклажаны. И овощи такого же размера, как куколки, а так ведь не должно быть. Как я могу покормить куколку огурцом, который с неё ростом? А ещё там есть медвежонок в лапте. Голубенький такой лапоть, а из него высовывается медвежонок. Я тут же придумываю, что Дед Мороз подарил девочке этого

медвежонка на Новый год и все вместе они обедали огурцом и баклажаном.

Игрушки звякают у меня в руках, Миша несколько раз говорит:

— Только не разбей! Они на мою ёлочку.

У Миши своя, отдельная ёлочка, очень маленькая, пластмассовая. Он ставит её в своей комнате на полку, как бы подальше от меня. Но когда понимает, что я ничего разбивать не собираюсь, позволяет переставить ёлочку на швейную машинку, ещё одно поле для моих игр, и продолжить историю про девочку, Деда Мороза и Медвежонка в лапте.

— Давай уже ёлку наряжать, а то с этой гирляндой до вечера провозимся, — говорит Миша и лезет на табуретку.

Ёлка такая большая, что даже он без табуретки не достаёт.

— Тащи макушку. Звезду. Нет, не эту. Это коммунистическая звезда. А ты тащи рождественскую.

Что бы я ещё поняла. Оказывается, коммунистическая звезда — она красная и пятиконечная. А рождественская звезда белая, с кучей блестящих хвостиков и сиреневой фольгой посередине. Странная она какая-то, если честно, но я же вижу, как Мише хочется именно её на макушку водрузить. Наверное, потому, что на дворе девяносто первый год. И коммунистические звёзды Мише основательно надоели.

Дедушка Миша — работник культуры. Каждый день он ходит на работу в здание возле памятника дедушке Кирову и оттуда управляет культурой. Всякими там концертами и спектаклями. А по выходным сидит в архиве и пишет книжку про Маяковского, потому что Маяковский — его любимый поэт, который когда-

